Московская епархия Русской православной Церкви

ПРИХОДСКОЙ ЛИСТОК

№ 54 (508) 18/11/2018

Храм Святой Троицы в Сходне, телефон: 8 (495) 574-06-80, сайт : www.shodnyahram.ru

М. о., г. Химки, мкр-н. Сходня, ул. Первомайская д.9. / Храм открыт ежедневно с 8-00 до 18-00

НЕЖДАННАЯ ГОСТЬЯ:

ОЧЕНЬ ЛИЧНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О СМЕРТИ

Эта статья содержит литературно-образные размышления, родившиеся в период переживания болезни. Образы не следует воспринимать буквально.

Вот она стоит передо мной и смотрит пустыми глазницами. В очертаниях ее лица нет никакой мимики, в ее облике – полное равнодушие. Ей все равно, кого забирать – старого или молодого, ребенка или его маму, как все равно стальной косе холодным лезвием посекать попавшуюся ей траву – сухую, отжившую свой век, или только пробившуюся на свет, жаждущую жизни.

Смерть делает это постоянно, как ночная мгла покрывает землю после радости дня или как зимняя стужа приходит после краткого летнего счастья. В ее оковах жизнь замерзает и съеживается. Таков порядок нашего бытия после грехопадения: смерть непременно следует за жизнью. Точнее, наша жизнь срастворена со смертью, как борьба за выживание, как попытка отодвинуть ее срок подальше в будущее. Да, это так, но есть в этом что-то циничножестокое.

«Зачем же ты пришла ко мне? – говорю я ей. – Ведь я тебя не звал и не ждал. Собственно в тебя я никогда и не верил.

Я думал, что если ты и есть, то в каком-то бесконечно далеком будущем, не сейчас, не настолько близко». Мое робкое недоумение не вызывает в ней никакой реакции. В ответ она лишь молчит – ни мимики, ни жеста, ни движения, она просто присутствует рядом. И что толку в мимике или злорадстве, когда неизбежно все станут ее законной жатвой. Но в ее безразличии я замечаю безжалостность.

Она пришла, но я не готов к ее встрече. Действительно, я никогда и не верил, что она настолько реальна. Мне казалось, что смерти нет. Так мне казалось с самого детства. Еще четырехлетним ребенком я где-то услышал, что люди заканчивают свою жизнь на земле. Маленькому ребенку, восхищенно вдыхавшему радость жизни, такая мысль – инородная, странная, беспощадная – не могла придти в голову. Живая душа знает лишь жизнь. Душа любого ребенка – чистая, неиспорченная душа – чувствует бесконечность, бессмертие, вечность. Переживание смерти – изначально чуждо для нас.

И вот во время детской игры эта высказанная кем-то мысль вдруг пронзила мою невинную на тот момент голову. Оставив свои игрушки на полу, я прибежал к маме на кухню и неожиданно для нее произнес, выпалил мучившую меня мысль: «Мама, а правда, что люди умирают?» Она растерялась. Как сейчас помню выражение ее лица… Мама тихо ответила: «Да, сынок, это правда: люди умирают».

Ее ответ меня ошеломил, потряс, и я сделал первый в своей жизни логический вывод: «И что же, и ты умрешь?» – «Да, я умру». – «И папа?» – «Да, папа тоже», – печально сказала она.

Тогда мое сознание пронзил итог этого недетского умозаключения: «Так что же? И я тоже умру?» Но здесь произошло невероятное. Мама не сказала мне правды, она пожалела ребенка и произнесла: «Нет, сынок, ты никогда не умрешь».

Успокоившись этим ответом, я вернулся в комнату к своей детской игре.

Но вот теперь смерть так близко, так рядом. А мама мне сказала, что я не умру. Как же так?

Моя мама потеряла первого ребенка – дочку Галю, – когда той было всего год и два месяца. На беду, в семье Бога никто не знал, о вечной жизни не думали, соответственно никто и не догадался о крещении малышки. Смерть ребенка, случившаяся в деревне за каких-то пять минут из-за неправильного укола врача, стала не просто потрясением, она перевернула всё.

Мама взяла на руки бездыханное тело, обняла и, потрясенная, говорила: «Нет, она не умерла». Вечером положила мертвую дочку с собой, как будто утром доченька должна пробудиться от сна, как будто случившееся – просто сон, страшный, но чуждый реальности, а утром с первым солнечным лучом все пробудятся, восстанут и будут радостно жить дальше.

Но хуже всего оказалось моему папе. Он находился в армии, телеграмму не получил и как раз ехал домой в деревню, чтобы повидаться с семьей. Он ехал к живой дочке, зашел в дом, увидел, что она лежит мертвая, и заплакал. Безутешно плакали все.

Капли дождя, падая на иссохшую землю, рождают жизнь. Так зерно, спавшее мертвым сном, производит колос и оборачивается сторицею зерен, деревья обретают живительный сок, цветы распускают полные бутоны – созвездия красоты. Так плачущее небо производит жизнь на земле. А что порождают наши горькие слезы? Что несут с собой слезы после утраты ребенка, которого не вернуть? Рождаясь в душе и падая на землю, какой плод они произведут на земле? Или этот плод и должен вместе со слезами произрасти в нашей душе?

В пожилые уже годы мама сказала, что по ночам после смерти дочки до сорокового дня она слышала, как дочка зовет ее. Галя успела овладеть самыми первыми, самыми родными ей словами. «Мама», – слышалось в ночной тиши. И мама просыпалась. «Мама» – это слышалось так явно, так очевидно. Мама смотрела по сторонам и не видела дочки, подходила к окну в надежде увидеть, но ее и там не было. Сердце разрывалось, но Бога в семье никто не знал. Плач матери о погибшем ребенке достигнет пределов Вселенной, дойдет до последних галактик, но тело похищенного смертью ребенка так и поглотит сырая земля.

Дыхание смерти холодно. Впрочем, у нее нет никакого дыхания, ибо она не есть жизнь, и потому в отношении нее неуместны слова Писания: «Всякое дыхание да хвалит Господа». От нее веет холодом, ибо она сама – холод. Она – холод как отсутствие тепла. Собственно смерть – отсутствие жизни, утрата, потеря дара Творца. И потому срастворение жизни со смертью означает лишь угасание нашей жизни, колыхание пламени свечи на ветру, когда огонь то почти исчезает, съеживаясь и свиваясь вокруг фитиля, то вновь возгорается, готовый согревать и светить. Но потухает любая свеча.

Ты, смерть, гостья всегда нежданная, ты всегда приходишь раньше, чем мы рассчитывали. Какая несправедливость: ты овладела нами на заре нашей истории, а исчезнешь последней, ибо «последний же враг истребится – смерть» (1 Кор. 15: 26). Но как же отрадно слышать эти слова Писания: ты, смерть, истребишься! Да, ты – враг, и хотя и последний, всё равно истребишься! И скажу тебе даже больше: по существу тебя уже нет!

Ночной мрак всегда завершается чудом рассвета. Восток покрывается алым теплом, словно Кто-то смиренно и кротко делится с нами Своей теплой заботой: «Посмотри на восток, прими это тепло, сам будь таким». И вот золотится радостное небо, встречая солнце как ежедневную Пасху – жизнь пробудилась. Даже на севере полярная ночь непременно сменится полярным днем, а небо радостно озарится всполохами северного сияния. Вся наша земля в ответ на ласку солнца отвечает бесчисленным, несчетным, неисчислимым цветением цветов.

Холод побеждается теплом, тьма – рассветом, смерть – Воскресением. Так и в нашем внутреннем мире ненависть побеждается любовью, злоба – добротой, гордость – смирением, греховное омертвение – воскресением души со Христом, совоскресением после личного сораспятия. Всепобеждающее тепло и свет озаряют душу, когда она приобщается воскресшему Солнцу Правды – Христу.

И вот в моем сердце звучат слова святителя Иоанна Златоуста, читаемые каждую Пасху, но призванные жить в нас круглый год: «Пусть никто не страшится смерти, ибо нас освободила смерть Спасителя: ее угасил Тот, Кого она держала в своей власти… Смерть, где твое жало? Ад, где твоя победа?»

Смерть побеждена, ибо ее превозмог Тот, Кто есть Жизнь. Лед зимы растапливается от тепла первых солнечных лучей, а лед нашего сердца растопится благодатью Воскресшего.

Ты, смерть, подобна змее факира, у которой вырваны ядоносные зубы, а сама она продолжает пугать, завораживать. Твой яд ниспровергнут, и смертоносных клыков уже нет. Но люди всё равно боятся даже беззубой змеи – и боятся напрасно. Ибо глава змия сокрушена, яд ниспровергнут, а факир – лишь временный артист-имитатор, не имеющий к реальной жизни никакого отношения.

Когда мы жили в Сергиевом Посаде, а дети были совсем маленькие, то время от времени брали для детей козье молоко у прихожанки Лавры Татьяны. Она жила с сыном в небольшом сельском домике почти на окраине города, в районе Кировки, где стоят только частные дома. Трудилась Татьяна при академии, одно время дежурила в котельной. Сын Татьяны Сережа пономарил у близкого нам батюшки протоиерея Сергия в храме при центральной районной больнице. А вот отца у Сережи рядом не было. Потому что отец давным-давно ушел из семьи. Вышло так, что на старости лет отец сильно разболелся и оказался не нужен тем, к кому он ушел. От него, страдающего онкологией, быстро все отвернулись. Тогда Татьяна пошла на настоящий подвиг: взяла к себе своего бывшего мужа на попечение. Отцу Сергию она говорила: «Жалко его. Кто за ним следить будет?» Его она чистила, мыла, кормила, лечила. Также смогли подготовить его к христианской кончине.
Когда в душе воскресает добро, то и всё вокруг воскресает, а смерть становится чем-то условным, вторичным.

Теперь это всего лишь навсего мостик, по которому мы переходим в лучшую жизнь.

Когда отец отошел ко Господу, Сережа постоянно молился о нем, особенно когда бывал в алтаре. Как-то его стал расспрашивать батюшка, и Сережа поделился своей сокровенной историей: «Около сорокового дня после смерти папы я пришел домой. Вдруг вижу: в моей комнате на кровати кто-то сидит. Подхожу, смотрю, а это папа. Никакого страха в душе не было. Я говорю ему: “Папа, а ты как здесь? Ты разве не умер?” Настолько это было явное ощущение, что это именно он. Папа ласково ответил: “Нет сынок, я живой. Я пришел поблагодарить тебя за то, что ты обо мне молишься”. После этого я уже не видел его». Так родной папа пришел из того мира поблагодарить сына за то, что он молится о нем. Душа и после смерти телесной жива. Но как же важны для души наши молитвы! Как важно доброе отношение даже к нашим предателям – оно побеждает смертоносное зло, оно воскрешает и нас самих, и тех, кто вокруг!

Еще в Ветхом Завете наш Господь обещал, изрек через Своего пророка Осию: «От власти ада Я искуплю их, от смерти избавлю их. Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа?» (Ос. 13: 14). Поэтому скажу вместе с апостолом Павлом: «Для меня жизнь – Христос, и смерть – приобретение» (Флп. 1: 21). Теперь я вижу, что смерть – всего лишь обманчивый блик, и потому нет в ней мимики, жеста, движения. Как может действовать тот, кого нет? Да, мы когда-то утратили жизнь. Но теперь с нами Тот, Кто Сам есть «Путь и Истина и Жизнь» (Ин. 14: 6), Он пришел, чтобы мы «имели жизнь и имели с избытком» (Ин. 10: 10).

У Бога всё в избытке: благодать Духа Святого и помощь нам в наших земных делах, промышление о людях на земле и неизреченная радость Небесного Царства. Скорбны земные утраты, но они временны, как временна сама наша жизнь на земле. Небесный Отец хранит для нас вечность, а со временем и тело вернет, преобразив его по образу Воскресшего. Земной мир – мир расставаний, утрат; небесный – мир радостных встреч с теми, с кем ты расстался. Райских благ хватит для всех, и хватит с избытком. Только иди к Нему, к подлинной Жизни. Где Жизнь, там нет страха смертного. Там – Любовь, а «совершенная любовь» и в нашей душе «изгонит страх» (ср.: 1 Ин. 4: 18).

РЕАНИМАЦИЯ И АНГЕЛЫ, ИЛИ ПРОГУЛКА ПО КРАЮ БЕЗДНЫ

В жизни нам даются суровые уроки. Но после этих уроков жизнь становится другой. Невозможно быть тем же, кем ты был, когда хоть на мгновение ты вышел за пределы привычного, оказался на пороге иного бытия. Ценность самой жизни познается на грани смерти, ценность света – после ночной тьмы, ценность любого Божиего дара – после его лишения.

Первая химиотерапия обернулась для меня серьезным отравлением. Токсикация охватила нервные пути. Отключилась речь, парализовались глотательные движения, затруднилось дыхание.

Жена пыталась вызвать «скорую» – все машины оказались в разъездах. Мне удалось показать в своем телефоне номер знакомых фельдшеров, трудившихся на «скорой». Благодаря им машина приехала значительно быстрей, в то время, когда я пытался на четвереньках глотать воздух из открытого окна.

Меня потом спросил один знакомый, возможно ли молиться в таком состоянии. С отключением речи и блокировкой мышц языка ты еще пытаешься молиться мысленно. Пытаешься всем сердцем обращаться привычными краткими словами: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного! Пресвятая Владычице моя, Богородице, спаси мя, грешного! Святый Ангеле Божий, Хранителю мой, помоги мне». И еще краткие молитвы преподобному Сергию Радонежскому, блаженной Матроне Московской, небесному покровителю мученику Валерию Мелитинскому…

Но наступает момент, когда тебе не хватает кислорода, вдохнуть ртом ты не можешь, и тут внутри происходит сбой, а в каком-то смысле наступает паника. Мысли теряют сосредоточенность, по телу проходят судороги, единственным желанием становится просто нормально дышать. В такие мгновения молитва испаряется, как влага на раскаленном песке. Ты начинаешь просто бороться за жизнь, искать, как лучше сделать вдох, глупо и беспомощно теряя молитву – этот главный, целительный источник нашей жизни.

В какой-то момент промелькнуло: если я уже умираю, то пусть это наступит скорей, чтобы близкие не видели всех мучений и чтобы просто перешагнуть порог, который отделяет временное от вечного, тленное от нетленного. Вот как мы просим на каждой ектении «христианския кончины живота нашего, безболезненны, непостыдны, мирны…» Но что-то это прошение никак не исполнялось, оставляя меня на краю бездны, на грани неизвестности.

Тогда жена поставила на молитву перепугавшихся детей. Опустившись на колени перед иконами, они со слезами, в простых детских словах изливали свою сердечную просьбу. В этот момент мне наглядно открылось, что в жизни бывает, когда ты живешь вовсе не своими молитвами. Когда молитвы тех, кто любит тебя, для кого ты еще имеешь значение, восполняют всю твою беспомощность и немощь. **По молитвам ближних мы избавляемся от бед, обретаем от Бога спасение, исцеляемся и воскресаем. Эти молитвы становятся крыльями, которые подымают твою израненную душу и не дают ей пасть вниз.**

Еще скажу, что на грани перехода ты чувствуешь, как многое, что казалось тебе важным, вдруг обнажает свою пустоту. Самым сердцем прозреваешь, как напрасно ты всё время куда-то гнал и спешил, пытался что-то заработать, вроде бы чтобы содержать семью, но мимо тебя в этой гонке и проходила жизнь твоей семьи, твоих детей, исчезала радость общения с самыми близкими.

Счастье – оно всегда рядом с нами, но мы сами пробегаем мимо него. Чтобы остановиться и вырваться из замкнутого круга, нам от Бога и подаются суровые жизненные уроки.

Но вот наконец и «скорая». Вижу растерянное лицо врача, замешательство в его действиях. Замеряет мне давление, пульс, а затем каким-то прибором еще что-то меряет и с удивлением говорит: «Странно… Что же в крови кислорода-то меньше нормы?» Зачем-то ставит мне катетер в руку… и только перед самым нашим выходом к машине делает укол, после которого судорога в теле исчезает.

В больнице мне поставили капельницу. Но на следующий вечер приступ повторился. Меня отправили в реанимацию. Поскольку и в этот вечер я потерял дар речи, то не мог произносить ни единого слова. Оставался лишь безмолвным созерцателем происходящего и наблюдал, как Бог посредством людей спасает таким же людям жизнь и восстанавливает здоровье.

Никогда с этим раньше не сталкиваясь, я был поражен своим восприятием. Ранее я думал, что это место какой-то безутешной скорби, отчаянной борьбы за жизнь, последних проводов. Оказалось, что проведенный в реанимации день стал одним из самых счастливых дней в моей жизни. Это как рождение на свет, воскрешение, после чего радость дня и свет солнца, счастье общения с близкими и драгоценная возможность служить Богу переживаются наиболее ярко.

Здесь не царили ни ропот, ни ругань, ни жалобы или угрозы. Каков бы ни был больной, врачи и медсестры представляли собой пример исключительной жертвенности. Каждый заботливо, мирно, спокойно вершил свое дело, словно это были не люди, а ангелы, поставленные Богом на то, чтобы заниматься одним единственным делом – спасать людей.

Наблюдая происходящее, я так и пришел к этому удивительному выводу: вся реанимация наполнена ангелами.

Смысл духовных прозрений не обязательно в том, чтобы ты непременно увидел ангелов, но в том, чтобы нечто ангельское ты увидел в людях, в тех, кто окружает тебя. Если кругом ты недовольно видишь одни грехи, недостатки, пороки, то кто же ты сам по своей внутренней сути? Каждый замечает то, что для него самого естественно. Если же в окружающих тебя людях ты прозреваешь доброе, чистое, ангельское, то, значит, Господь посетил тебя и не лишил Своей благодати. Впрочем, сам я на тот момент прозревал лишь собственную немощь и удивительную доброту, заботливость, сердечность сотрудников реанимации.

Одна пожилая врач, подойдя ко мне, с соучастием и состраданием произнесла: «Ты молись про себя. А когда сможешь, так и вслух молись. Молитв, слава Богу, много у нас. Молитва часто лучше всего помогает». И я молился. На сердце стало настолько мирно, спокойно, что я сравнил эти ощущения лишь с пребыванием в алтаре на богослужении. Ангелы наполняют алтарь храма, ангел-хранитель рядом с каждым из нас. Но Божии ангелы присутствуют еще и там, где спасается жизнь, где люди, забыв о себе, заботятся только о том, как помочь таким вот, как я, беспомощным. Почему же мы не замечаем этого в своей обыденной жизни?

Пусть никто не осудит меня, но в тот момент реанимация мне представилась подобной священному алтарю, а действия персонала реанимации – священнодействиям служителей храма. Они воссозидают в человеке жизнь, делают по земным меркам невозможное, имеют от Бога особый дар воскрешать и возвращать людей к жизни, тем самым причастны таинству спасения сотворенных Богом людей. Конечно, всё это относится не к вечному спасению души, обретаемому только в храме, а к временному спасению тела. Но ведь свои души мы спасаем, покуда не расстались с телом, значит, и это временное спасение, восстановление здравия тела тоже важно для нас.

А потом всё завершилось очень просто. Меня откачали, вернули к жизни и спокойно отпустили домой. Они не ждали ни благодарности, ни признательности, ни денег, хотя трудно поверить, что зарплаты простых городских врачей высоки. По-доброму и с улыбкой напутствовали советом, чтобы больше к ним не попадал. Они сами остались там, как врачи на передовой, бескорыстно спасая жизнь всякого смертельно раненного.

Жаль, что часто мы не замечаем, как рядом с нами бескорыстно трудятся, вершат святое служение люди, спасая жизнь таким же, как мы. Как и молящиеся за тебя дети, так и врачи реанимации подобны ангелам, небесным хранителям, которые защищают и сохраняют нам жизнь.

Вспоминается еще только одно прошение ектении, которое после реанимации стало для меня самым важным, выше всех земных достижений, свершений: «Прочее время живота нашего в мире и покаянии скончати у Господа просим».

Если умирать, то лучше мирно, а если жить, то только в покаянии. И вверить себя в руки Божии. Это и есть самое главное. Храни всех Господь!

Священник Валерий Духанин

Молитва в болезни

Господи Боже, Владыко жизни моей, Ты по благости Твоей сказал: не хочу смерти грешника, но чтоб он обратился и жив был. Я знаю, что эта болезнь, которою я страдаю, есть наказание Твое за мои грехи и беззакония; знаю, что по делам моим я заслужил тягчайшее наказание, но, Человеколюбче, поступай со мною не по злобе моей, а по беспредельному милосердию Твоему. Не пожелай смерти моей, но дай мне силы, чтобы я терпеливо сносил болезнь, как заслуженное мною испытание, и по исцелении от нее обратился всем сердцем, всею душою и всеми моими чувствами к Тебе, Господу Богу, Создателю моему, и жив был для исполнения святых Твоих заповедей, для спокойствия моих родных и для моего благополучия. Аминь.

Молитва за умирающего

Господи, Иисусе Христе Сыне Божий, заступи, спаси, помилуй и сохрани Боже, Твоею благодатию душу раба Твоего (*имя*), и грехи юности и неведения его не помяни, и даруй ему кончину христианску, непостыдну и мирну, и да не узрит душа его мрачного взора лукавых демонов, да приимут его Ангели Твои светлии и пресветлии, и на Страшном Суде Твоем милостив ему буди, ибо Твое есть единого Господа, еже миловати и спасати нас.

источники: православие.ru, полный православный молитвослов